

УДК: 159.99

DOI: 10.25629/НС.2024.04.08

ИНДИВИД В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Напо М.Б.

Северо-Кавказская государственная академия

Аннотация

В статье процессы перехода индивида к существованию в гибридном – реальном и виртуальном – пространстве рассматриваются в контексте причин и последствий влияния множества Интернет-феноменов, сформированных ими форм поведения, способов коммуникации, привычек, зависимостей. В силу такой постановки вопроса автор обращает особое внимание изучению не столько несомненных преимуществ мира технологий, сколько характеру влиянию их гипертрофированной роли в жизни индивида в условиях лишь формирующихся практик сосуществования в двух мирах и недостаточности личных компетенций. В таких условиях проблематика гармоничного бытия индивида в реальном и виртуальном пространствах, использования преимуществ одного мира в интересах другого приобретает особую актуальность. Само свойство коммуникаций в киберпространстве изменяет не только пространственные и временные параметры взаимодействия, но и имеет массивное психологическое, эмоциональное воздействие. Главная опасность заключается в постепенном абстрагировании Интернет-коммуникаций от фундаментальных нравственных, культурных кодов и основ познавательной деятельности, что в особой мере касается способности к критическому, самостоятельному мышлению. Для примирения реальности к такой трансформации форм социального взаимодействия необходимы новые соционормативные практики.

Ключевые слова

виртуальность, киберсоциализация, сконструированная реальность, цифровая аддикция, цифровая покорность, цифровое выгорание, эскапизм, киберагрессия, индивидуализм, коллективизм, приватность, право собственности на информацию

Введение

Отличительной особенностью современного информационного общества является одновременное пребывание индивидов в социальной реальности и виртуальной, в своего рода гибридном пространстве. В киберпространстве жизнедеятельность индивида осуществляется по правилам и законам, формируемым в значительной мере самим индивидом. Большая степень свободы, творчества, самовыражения, их независимость от реальных качеств личности, условий существования обладают весьма притягательной для индивида силой. Главным качеством становится умение оперировать информацией, которая становится основным средством коммуникации, социализации: не реальные явления, факты, события, свойства, личности, а информация о них, воспринятая, интерпретированная и преподнесенная самим индивидом. Информатизация, интернетизация, гаджетизация трансформировали процесс социализации, придав ему символично-знаковый характер, что кардинально меняет процесс формирования и усвоения ценностей и норм, а значит, и мировоззрение, мотивацию, привычки, потребности. В условиях пребывания в двух мирах самым важным качеством индивида становится его способность совмещать, сосуществовать, безболезненно переходить из одного пространства в другое, рационально использовать возможности технологий для саморазвития и самоутверждения в реаль-

ной жизни. Самые серьезные последствия параллельного пребывания в реальном и виртуальном пространстве имеет именно оторванность от реальности, несоответствие социального и виртуальных статусов, резкая разница между реальным и виртуальным Я, чему способствуют злоупотребление свободой самовыражения, самоидентификации на грани вседозволенности и безответственности, доминирующий и гипертрофированный характер потребности пребывания в киберпространстве. В отличие от реальности, коммуникации в киберпространстве свойственны отсутствие внутреннего и внешнего контроля, коммуникативных барьеров, раскрепощенность, необязательность соблюдения социальных приличий, норм, правил, необязательность предоставления достоверной информации и не только о себе. И это способствует развитию асоциального, аморального и криминального поведения, анонимность и эксплуатация доверия ведут к постоянному появлению негативных коммуникативных практик (троллинг, буллинг, харасмант и т.п.). Индивид становится заложником не только интернет-привычек, виртуальных способов коммуникации, но и собственного стремления к новизне, смене образов, вариантов репрезентации, бесконтрольного экспериментирования над самим собой и свойственных им эмоциональному подъему и эйфории. Но отсутствие прочности, основательности, стабильности в условиях последовательного отрыва от реальности лишь усиливают чувство неудовлетворенности, порождая мании и фобии. Ситуация психологической опасности индивида усугубляется в условиях преобладания недостоверной информации в виртуальном коммуникационном процессе и недостаточности личных ресурсов противостоять негативным факторам информационно-психологического воздействия. В силу этого проблематика гармоничного существования индивида в реальном и виртуальном пространстве в условиях все растущего давления интернет-феноменов разного свойства приобретает все более актуальный характер.

Краткий анализ литературы

Спектр исследований, связанных как с самим существованием индивида в виртуальном пространстве, так и с параллельным его пребыванием в двух мирах – реальном и виртуальном, весьма широк в силу сложности и многогранности проблематики.

В контексте нашей постановки вопроса особый интерес представляют исследования о характере, причинах и последствиях виртуализации как таковой и в соотношении с реальной жизнью. Т.Д. Лопатинская среди причин популярности предпочтения виртуальной жизни, в том числе как формы ухода от реальной называет 1) углубление субъективизма; 2) клиповость культурных форм и жизневосприятия, фрагментарность инфопотока, заполненного сменяющимися друг друга симулякрами и образами; 3) стремление индивида к обретению большей свободы; 4) виртуализацию всех сфер жизнедеятельности, и наличие у нее широких возможностей для самовыражения и пребывания в «насыщенной, множественной реальности, которая поддается внутреннему изменению», являясь интерактивной средой; 5) возможность переноса социальных практик как в виртуальную реальность, так и из симуляции в реальность, взаимобогащение виртуального и реального опыта [1, с.94,95,96]. Н.П. Дедов особое внимание обращает именно на последнее, признавая, что взаимопроникновение двух реальностей придает действиям индивидов исследовательский характер: поступки участников взаимодействия анализируются, интерпретируются и эмоционально переживаются. И это приводит к позитивным изменениям в социальном поведении, эмоциональном восприятии и когнитивном понимании индивидов. «Они приобретают не просто статус «субъектов», но и получают возможность собственного развития и совершенствования». Для Н.П. Дедова притягательность киберсреды и выбор индивида в ее пользу объясняются тем, что она располагает «благоприятными условиями, которые позволяют ей минимизировать затраты и создают предпосылки для успешного, комфортного существования». Однако это не устраняет главной сложности: индивид должен в полной мере осознавать «необходимость дифференциации деятельности... и... психической активности в различных обстоятельствах – виртуальных и реальных» [2, с.130].

Обращает на себя внимание тот факт, что в последнее время многие авторы основное внимание уделяют не столько изучению преимуществ и достоинств мира технологий, сколько негативному влиянию и негативным последствиям их гипертрофированной роли в жизни индивида. И

это вполне закономерно. С развитием технологий и их проникновением во все структуры жизнедеятельности государства, общества, индивида наиболее актуальной становится проблема сосуществования, безболезненного перехода из одного мира в другой, использования преимуществ одного мира в интересах другого, обеспечения гармоничного развития и саморазвития личности с учетом интересов, прав и свобод каждого участника виртуальной коммуникации.

Проблеме изучения негативного потенциала киберсоциализации посвящено множество исследований. Для А.В. Пищелко основные угрозы существования индивида в гибридном пространстве, характеризуемом как одновременное нахождение индивида в сфере социального взаимодействия и виртуальной коммуникации, исходят из 1) превращения последней в доминирующую, что приводит «к заикленности на жизни в сети, отсутствию интереса к реальной жизни, социальной дезадаптации и деформации»; 2) наличия в сети континуума не только полезной информации, но и аморального, деструктивного, противоправного, агрессивного, пропагандистского контента, навязчивых сайтов. «Наркотическая притягательность» виртуального мира в условиях тотальной компьютеризации и интернетизации ведет к росту проявлений аддиктивного поведения, когда удовлетворение потребностей становится для индивида возможным только в иллюзорной жизни, а не в реальной, где достижение социальной успешности становится крайне затруднительным [3, с.23]. Е.Н. Шапинская видит в киберкоммуникации идеальное пространство для эскапизма, что и представляет реальную угрозу для индивида [4]. А.В. Керуак наиболее гармоничной формой сосуществования двух миров считает технологию дополненной реальности [5 с.151], она предотвращает полное погружение индивида в виртуальный мир посредством интегрирования виртуальных образов в окружающую среду, что не подменяет, а преобразует пространство реального бытия, тем самым создавая смешанный тип среды.

Тщательному изучению подвергаются различные интернет-феномены агрессивного поведения (буллинг, троллинг, астротурфинг и пр.). Т.А. Фетисова видит причину роста деструктивного поведения в сети, киберагрессии во взаимодействии целого комплекса причин, связанных как со свойствами самой личности (незрелость, закомплексованность, недостаток общения, желание самоутверждения, поиск внимания и т.д.) так и особенностями виртуальной коммуникации. Анонимность, недостоверность, стирание этических стандартов взаимодействия, своеволие и безответственность, отсутствие страха перед ответной реакцией, – так называемый «феномен социального растормаживания», а также легкость в совершении действий (без приложения физических усилий) и в достижения цели провоцирует рост таких форм девиантного поведения, как оскорбление, унижение, издевательство, разоблачение, манипулирование, нападки, преследование. Наличие более 13 разновидностей кибербуллинга свидетельствует о популярности самоутверждения через стратегию последовательного унижения иного лица, предполагающую «привести жертву к потере уверенности в себе, деморализовать, получить чувство собственного превосходства, отделиться от жертвы, выставив ее неполноценной» [6, с. 186,187,193]. Активно используемой формой агрессивной виртуальной коммуникации стала стратегия дискредитации, распространения информации, ведения дискуссии провокационного характера с целью «нагнетания конфликтов», оскорбления, принижения, подавления, манипулирования личностью, провоцирования нужного эмоционального отклика [7, с. 31, 32]. А.А. Бочавер и К.Д. Хломов, говоря о мерах противодействия травле в киберпространстве, признают необходимость применения специальных технических средств (блокировка, удаление, настройки конфиденциальности, фильтры и т.п.), но в особой мере указывают на важность социокультурной и этической составляющей. Такие характеристики виртуального общения, как анонимность, обезличивание участников, наличие возможности придать преследованию безграничный и бесконечный характер, повышают значимость осознанного подхода, ценностного отношения каждого участника взаимодействия при выборе «допустимых способов поведения, ...понимание необходимости уважительных отношений между пользователями», что должно дополняться формированием системы поведения в Интернете на основе отчетливых этических стандартов [8, с. 177].

Пребывание в киберпространстве связано с множественностью рисков и угроз. Особую актуальность имеет тотальный характер трансформации качества информации. Переизбыток недостоверной, некачественной информации А.А. Жуйков, И.В. Машенко связывают с действием многих причин, среди которых и целенаправленные действия в собственных интересах, и усиление субъективизма, и «информационная перегрузка коммуникативного процесса», непреднамеренные и «злонамеренные действия по снижению качества информации», и распространение информации в целях дискредитации, преследования, устрашения и т.п. [9, с. 91]. О.Е. Головацкая указывает на особый характер феномена искажения информации и остроту самой проблематики по мере изменения характеристик информационной среды и совершенствования технологий коммуникации, которые ведут к постоянному росту количества типов искаженной информации и форм искажений. Рост массивов искаженной информации ведет к информационной интоксикации, значительно снижая уровень экологичности информационного пространства [10, с. 15, 22].

В силу вышеизложенного вполне закономерной становится постановка проблемы информационно-психологической безопасности пребывания индивида в киберпространстве, трактуемой как 1) состояние защищенности индивида от негативного, психологически отрицательного воздействия информации, способного повлиять на целостность личности, изменить установки, поведение, состояние психики, отношение к реальности; 2) наличие возможности определять и блокировать отрицательные информационно-психологические воздействия, минимизировать их и обеспечивать собственные права и свободы; 3) развитие собственных способностей и информационных ресурсов для обеспечения безопасности личности [11, с. 208]. Т.К. Голушко рассматривает информационно-психологическую безопасность в единстве с информационной культурой, культурой информационной безопасности, и информационным иммунитетом. В условиях виртуальной коммуникации, когда любая информация (соответствующим образом преподнесенная), а тем более преобразованный информационный контент, может причинить индивиду серьезный социальный, психологический и психический ущерб, информационный иммунитет, т.е. невосприимчивость личности к информационному и иному деструктивному психологическому влиянию, внутренняя защита от информационно-психологического воздействия, становится ключевым фактором безопасности [12, с. 1483].

Цель статьи состоит в раскрытии социально-психологических аспектов бытия индивида в киберпространстве, в изучении влияния и последствий преобладания виртуальности в жизни индивида и социума. Использование принципов диалектики – объективности, системности, конкретности, а также диалектических методов позволяет исследовать проблематику во взаимосвязи сущности и содержания, причин и следствий, теории и практики. Объемность и сложность проблематики требуют комплексного изучения причин, следствий, достоинств и рисков для индивида и общества существования в виртуальном пространстве, сосуществования в виртуальном и реальном мирах, перехода из одного в другой, использования одного для ухода в другой, что подтверждено кратким обзором научных источников по теме.

Результаты

За время существования Интернета, социальных сетей они из удобной формы коммуникации, самовыражения, самообразования и оборота информации превратились в мощный инструмент распространения, внедрения и формирования цифровых привычек, социальных норм, трендов, критериев оценки социального поведения. Жизнь в социальных сетях опасна не только постоянно растущим интересом к стандартам чужой, зачастую приукрашенной, жизни, стремлением этому подражать, превзойти, но и формированием зависимости от чужого мнения, количества лайков, репостов, отзывов и комментариев. Виртуальная конкуренция с виртуальными образами вынуждает индивида оценивать себя и окружающих его лиц по искусственно созданным стандартам. В результате процессы самооценки, восприятия людей и событий, социализации оказываются напрямую привязанными не к реальным ценностям, а к цифровым утверждениям о них. Отсутствие таковых для индивида оборачивается снижением

самооценки, чувством уязвимости, закомплексованностью. И наоборот, раскрученный цифровой образ успешного человека, вне зависимости от того, насколько индивид успешен в реальности, способствует неадекватному, искаженному самовосприятию. Все большее распространение получает так называемый синдром FOMO, или FOMO-эффект (Fear Of Missing Out), буквально означающий страх что-то пропустить. Если говорить применительно к цифровым сервисам, то речь идет о настойчивом стремлении оставаться на постоянной связи в социальных сетях, что ведет к увеличению длительности и частоты использованию социальных сетей и росту тревожности, а затем и страхов, порождаемых боязнью остаться в стороне от происходящего, в неведении о чем-то новом, важном, полезном, активно используемом иными лицами. Синдром FOMO зиждется на осознании того, что другие знают и используют это знание в большей мере, и порождает как стремление оставаться в центре инфособытий, так и страхи оказаться на обочине мейнстрима. Жизнь в потоке информации, растущей по содержанию, объемам, источникам, провоцирует распространение синдрома FOMO, который «вызывает желание «выключиться» из реального мира и постоянно следить за происходящим в социальных сетях, даже если в этот момент вокруг человека происходит что-то важное...». Он становится «причиной потребности всегда быть на связи через Интернет для поддержания информационного потока, а как следствие – корректировки своей собственной жизни и адаптации к новой информации». Длительность такой зависимости, как и цифровая аддикция в целом, приводит к «низкой удовлетворенности жизнью...», к неустойчивости эмоциональных реакций по достаточной незначительным поводам... фрустрации и зависти по отношению к окружающим» [13, с.25]. Кроме этого, информационный перегруз ведет к истощению умственных, физических, эмоциональных сил: индивиду крайне сложно одинаково качественно воспринять, оценить и применить большие объемы информации.

Аддикция любого рода имеет своим следствием, с одной стороны, неспособность к нормальной жизнедеятельности в условиях ограничения доступа к тому, от чего у индивида возникла зависимость, с другой стороны, чувство пресыщения, усталости и стресса, и тогда результатом непрерывного использования цифровых технологий становится цифровое выгорание. В условиях современного общества это болезнь «усиления, многозадачности и скорости» [14, с. 89], которой особенно подвержены миллениалы, проводящие большую часть своего рабочего и личного времени за процессом обмена информацией. В результате жизнь индивид, постоянно пребывающего в потоке информации, используемой для решения все растущего числа профессиональных и личных задач, в социальных и публичных сетях, на полях Интернета претерпевает серьезные изменения, в том числе в силу психологического и технологического стресса. Долговременная вовлеченность в ситуацию, требующую высоких энергетических и психологических затрат, неизбежно формирует состояние физического, эмоционального и психологического истощения, которое в свою очередь провоцирует деперсонализацию, дезадаптивные проявления, снижение профессиональной мотивации, профессиональный регресс, редуцирование личных достижений. С другой стороны, любой тип выгорания – это долговременная ответная реакция на стрессовый характер жизнедеятельности. Она способствует мобилизации защитных механизмов организма: в условиях избыточного давления это означает дозирование и экономию сил и ресурсов в целях предотвращения разрушающих личность воздействий [15, с. 20, 22, 23].

Массовое использование цифровых технологий требует обеспечения надлежащего уровня информационной и иной безопасности и собственной продвинутой в этих вопросах. В противном случае индивид столкнется с проблемой утраты конфиденциальности и приватности. Среди причин распространенности этого явления следует назвать не только потребность общения, стремление показать себя, открыть себя, свой образ жизни, мыслей, действий и сделать его общедоступным, не только техническую неосведомленность и пренебрежение требованиями безопасности, но и востребованность персональных и иных конфиденциальных данных в разных сферах, а также несовершенство законодательства в сфере обеспечения конфиденциальности в Интернете. При наличии у индивида как права на информацию, на свободу выражения, так и права на частную жизнь следует исходить из необходимости разработки правовых

механизмов, ограждающих индивида от неправомерного использования против него информации, им же о себе распространенной. Специалисты настаивают на дополнении понятия «персональные данные» понятием «частная жизнь» и принятии наряду с законом «О персональных данных» закона «О приватности (защите частной информации граждан)». Наличие категории частной жизни позволит определить критерии информации, доступ и распространение которой невозможен ни при каких условиях без согласия лица, а также критерии вмешательства в частную жизнь [16, с. 384]. Для виртуального общения самой главной частью частной жизни является частная информация, понимаемая как любая информация лица о себе (и иных лицах), критерии раскрытия которой определяют само лицо, требуя от иных лиц их соблюдения. Следовательно, речь должна идти о наделении лица правом собственности на частную информацию, проистекающим из факта владения, принадлежности информации лицу и наделяющим лицо правом определения доступа к информации по собственному волеизъявлению и предполагающим владение информацией без его согласия нарушением права на неприкосновенность частной жизни.

Востребованность такого подхода подчеркивает наличие такого феномена, как «цифровая покорность», что означает принятие индивидом как неизбежности факта потери приватности в сети. Хотя это звучит несколько парадоксально: значительная часть аудитории Интернета имеет своей целью подчеркнуть самобытность, уникальность собственной персоны, своего образа жизни, нестандартность идей и подходов, что и является неотъемлемой частью автономности индивида, главного атрибута приватности. Такое поведение входит в противоречие с самой сущностью и субъективным восприятием приватности. В части информационной приватности речь идет о безусловности требования лица (групп лиц) самостоятельно определять, когда, как, в каком объеме информация о нем передается другим, – при этом требуется точное определение этого другого субъекта, которому разрешается или запрещается передача информации. С особыми характеристиками этого другого субъекта может быть связано снижение порога чувствительности, болезненности при нарушении приватности, например, если речь идет о лицах, идейно объединенных в сообщество. Иной характер приобретает проблематика приватности, если речь идет о применении интернет-платформами технологий мониторинга, отслеживания поведения индивидов в сети при «рыхлом» согласии или практически без их согласия [17, с.89, 90, 91]. В понятии цифровой покорности находит отражение объективная сложность обеспечения приватности и конфиденциальности в Интернет-пространстве и осознание индивидом, активно пользующимся возможностями и преимуществами цифровых технологий, неизбежности этого факта, что и вынуждает его примириться с некоторыми потерями в сфере приватности. И даже больше: он может поступиться своими прежними представлениями о приватности, пересмотреть их не только в обмен на качество и практичность предлагаемых сервисов, но и в силу собственной неготовности предпринимать реальные шаги по защите приватности. Массовый характер цифровой покорности может привести к расширению практик технологического манипулирования. Таким образом, опасность для информационной приватности порождена «особенностями онлайн-коммуникации, которая характеризуется «коллапсом контекста» – слиянием различных аудиторий, имеющих разные нормы и ценности», присутствием в социальных сетях «невидимой аудитории», что приводит к информационной асимметрии», доступностью распространенной информации «для поиска за пределами определенного момента времени и ситуации». «Несмотря на то, что большинство пользователей осведомлены о потенциальной опасности нарушения приватности, они делятся в социальных сетях личной информацией. Это явление получило название «парадокс приватности». Причиной такого поведения являются недостаток технических и социальных навыков, нежелание тратить силы и время на меры по минимизации рисков, стремление иметь широкие социальные связи и скептицизм по поводу эффективности предпринимаемых усилий» [18, с. 22]. Индивид вынужден делать выбор между расширением своих коммуникативных возможностей, желанием самораскрыться, добиться внимания и признания и рисками потери приватности. Распространение приватной информации в виртуальном пространстве требует от индивида понимания и принятия рисков, связанных с 1) доступностью информации в том числе для «невидимой аудитории», 2) ее масштабированием посредством последовательной передачи информации за

пределы круга взаимодействующих лиц, 3) постепенным использованием (и даже модификацией) контента вне временного и ситуационного контекста, 4) распространением и восприятием информации разными аудиториями с иными взглядами и ценностями, что может привести к коллапсу контекста. Сам факт распространения личной информации в виртуальном пространстве уже означает, что лицо лишает себя единоличного владения информацией: она неизбежно становится доступна тем, кто технически обеспечивает онлайн-коммуникации (администраторы социальных сетей, агрегаторы и т.д.). Для сохранения приватности информации индивид должен располагать реальными возможностями устанавливать собственные правила раскрытия информации в зависимости от того, к какой категории отнесены иные лица. На это нет ни технической, ни правовой возможности, хотя бы по той простой причине, что установление полного контроля в целях недопущения перехода личной информации в совладение к иным лицам, невозможно в силу действия негласных законов и специфики функционирования онлайн-пространства. Очевидно, что приватность, независимость, свобода, реальность права на владение личной информацией в таких условиях имеют весьма относительный характер. В этом контексте вполне объяснимы результаты опроса, проведенного НИУ ВШЭ в ноябре 2020 года: «Большинство пользователей (84%) чувствуют бессилие перед возрастающими рисками утраты контроля над их данными в сети. Более половины признают, что не могут самостоятельно защититься от кражи персональной информации (52%), обеспокоены тем, что их действия могут быть записаны и проанализированы (55%). Противоположного мнения придерживаются 29% и 36% соответственно их» [19, с.4]. Если у первой группы вполне могут сформироваться страхи перед использованием цифровых сервисов, то вторые, не видя равноценной альтернативы, готовы мириться с возможными потерями, в том числе и в сфере приватности.

Радикальная открытость виртуального мира, ставшего главной площадкой социализации, нивелирование личностного влияния и личностного контроля, превалирование сетевых коммуникаций, интегрированность анонимных лиц в процесс общения, незащищенность от преднамеренного или случайного вторжения создают «иллюзию приватности» [20, с.250], суверенности. Очевидно, что обратной стороной повышенной коммуникативной активности виртуального общения и внешне демонстрируемой при этом открытости будут страхи утраты границ личного пространства. Кроме того, вследствие «технологического развоплощения», дематериализации, анонимности пользователя в виртуальном пространстве у индивида формируется два Я: «реальный, подлинный основанный на своем теле, и виртуальный, применительно к которому само выражение «границы тела», суверенность границ не имеет смысла» [21, с. 221]. Но по мере осознания индивидом своей виртуализации даже при наличии чувства относительной безопасности он неизбежно будет страдать от дефицита реальности и выброшенности из жизни. Вырванного из реальности виртуального индивида отличают несвобода, наличие множества выраженных зависимостей, главные из которых зависимость от пребывания в виртуальном пространстве (Internet addictive disorder) и зависимость сознания и образа жизни реального человека от его виртуальной личности, от онлайн-бытия. В результате множества виртуальных репрезентаций реальный человек превращается в сменяющие друг друга образы, все дальше уходя от своей истинной сущности и расщепляя целостность своего Я. Технологии и особый характер виртуального взаимодействия, где смешаны правдивость и вымыслы, где личность, информация, образ, статус представлены не в подлинном, а в любом желаемом свете, позволяют индивиду с легкостью перевоплощаться в иную ипостась. Виртуальность притягательна именно «малой энергоемкостью всех происходящих в виртуальной жизни процессов» и «пренебрежением своей телесностью», потому что она не требует серьезных духовных и физических затрат и усилий, напряжения своих внутренних и телесных сил [22, с.60, 61]. В реальности это нивелируют роль труда, усилий, самосовершенствования, процесса познания в формировании личности.

Множественность коммуникаций в виртуальном пространстве создает впечатление того, что Интернет способствует формированию коллективистских ценностей в противовес господству индивидуализма, что позволяет постепенно преодолевать процесс атомизации общества. Однако в вопросах соотношения принципов коллективизма и индивидуализма современная

коммуникация скорее амбивалентна. Множественность контактов, вовлеченность в различные взаимодействия – лишь количественная сторона вопроса, она не свидетельствует о прочности связи, как и смена друзей, идей, образов не придает им истинной глубины. Без этого даже самое активное общение превращается «в нечто относительное, ситуационное, преходящее, что не способно формировать устойчивые человеческие общности» [23, с. 239]. А.В. Щетинина, утверждая, что индивидуализм «нивелируется в социальных сетях и в то же время, несмотря на массовый характер коммуникации, не превращается в коллективизм как «преданность единственной команде», обращает внимание на своеобразное проявление коллективизма в соотношении с индивидуализмом в виртуальном пространстве. «Парадоксально, но психологи отмечают связь между индивидуализмом и формами коллективных отношений с негативными целями, в частности травлей... Желание отличиться и показать свою уникальность сегодня все чаще вызывает ненависть и травлю среди сверстников» [24]. Получается, что подчеркивание своей уникальности, индивидуальности, заявление своей позиции, высказывание собственного мнения (особенно вразрез с давящим трендом) может быть расценено как противопоставление себя коллективу, предательство и отступничество и подвергаться остракизму. Именно на таком коллективизме, где давление большинства заставляет отказаться от своего мнения, публично принять и разделять коллективное и требовать этого от остальных, и зиждятся современные движения типа «Me too» и сама культура отмены. В виртуальном пространстве существует множество различных форм публичного агрессивного отношения к инакомыслию, инакодействию, – интернет-буллинг, кибербуллинг, кибермоббинг, троллинг, хейтинг, шейминг. Агрессивно-осуждающее коллективное противодействие отдельному индивиду именуют своеобразной формой коллективного индивидуализма. Индивиду крайне сложно сохранять свою индивидуальность, выражает личное мнение в ситуации их массового непризнания, порицания, травли, потому что индивидуальность в виртуальном пространстве находится в сильной зависимости от коллективного признания – одобрения, подражания, последователей, подписчиков. В погоне за ними она модифицируется, под их запросы подстраивается и интерпретируется (особенно в случае отсутствия возможности общения с себе равными). Именно в таком понимании массовость давит и лишает индивида индивидуальности и независимости. Имеет место и столкновение коллективного мнения сторонников одного тренда с таким же коллективным воззрением сторонников тренда противоположного. Индивид, будучи приверженцем одного, оказывается под прицелом других. Речь идет о негативном отношении к индивиду только лишь на основе оценивания его с точки зрения разделения/неразделения взглядов, подходов, позиций. Индивид, не нашедший понимания, столкнувшийся с массовым неприятием, отторжением, ищет формы самозащиты от коллективного воздействия и находит их опять-таки в индивидуализме, направленном не на демонстрацию своей индивидуальности, а на защиту себя, своего мнения, интересов, потребностей от всякого рода нападков.

Было бы удивительно, если бы киберпространство с его безграничным потенциалом постоянно развивающихся технологий, позволяющих индивидам свободно перемещаться в иное бытие, придавать всему обыденному и привычному насыщенный и захватывающий характер, создавать новые формы и образы, синтезировать новую реальность со свойствами виртуального и реального мира – и испытывать при этом небывалые ощущения, не использовалось индивидом и для расширения собственных границ, и для бегства, укрытия, защиты от проблем все усложняющегося мира. Технологии вполне успешно эксплуатируют извечное стремление человека выйти за пределы своего привычного существования, они трансформировали традиционные нарративы, взяли на вооружение мистику, фэнтези, иррациональное, загадочное, заполнили виртуальное пространство готовыми образами, избавив индивидов от необходимости напрягать собственные творческие способности. В силу этого можно сказать, что эскапизм – свойство виртуального пространства, позволяющее отрешиться от повседневности и обыденности. Усложняющееся многообразие мира, вовлеченность индивида в непрерывные потоки информации, ее постоянное потребление усугубляют проблему установления гармоничных отношений с окружающей действительностью, осложняя процессы личностной самоидентификации. Индивид испытывает все усиливающееся давление из-за быстрого изменения и постоянного усложнения условий социальной жизни. Это усиливает тревожность, напряженность,

неудовлетворенность как собой, так и действительностью. Низкий уровень социализации и адаптивности, невозможность самореализации в действительности, недостаточность общения, эмпатии провоцирует поиск иных форм активности с выраженной компенсаторной функцией. Таковой становится виртуальная реальность, которая компенсирует реальность социальную.

Действительно, виртуальный мир крайне привлекателен новизной, широтой возможностей не только скрыться, но и раскрыться, создав альтернативную жизнь. Однако по мере превращения цифровых технологий в обыденную и неотъемлемую часть социальной жизни, они утратят многое из своей теперешней привлекательности, став повседневностью. И тогда вполне возможно как бегство из Интернета в реальность, так и преобразование самой виртуальности в сторону развития в ней различных форм реальности. Но на данном этапе приходится констатировать утверждение особой роли именно образов реальности как источника новизны, различий, многообразия, креативности.

Выводы

Общедоступность и простота оперирования нематериальными образами, информационными эквивалентами вещей, в отличие от сложностей их создания и оборота в естественном пространстве, весьма привлекательны, обладают несомненным рекреационным эффектом и творческим потенциалом. Но множество Интернет-феноменов, неготовность и неспособность индивида приспособиться к ним, а также гипертрофическая увлеченность виртуальностью трансформируют сознание и психику индивида, осложняя восприятие реальности и усиливая несоответствие между реальным и виртуальным существованием. Главный вопрос заключается в том, насколько легкость, яркость, насыщенность и успешность виртуального Я-бытия согласуются с действительностью и помогают индивиду преобразовать свое реальное Я и его реальную жизнь. Нельзя отрицать того факта, что перемещение в виртуальную реальность с разными целями – от релаксации до самозащиты, виртуальный опыт самореализации вполне могут помочь индивиду поверить в себя и свои возможности, приспособиться к действительности, обрести нужные компетенции. Однако важно, чтобы индивид осознанно прибегал к посредству виртуальной реальности, осознавая саму ее суть, и не утрачивал живой связи с самой жизнью. Сосуществование двух реальностей, переход из одной в другую будут иметь положительный эффект в случае позитивного изменения реального бытия под воздействием возможностей виртуального, в свою очередь успешность в реальной жизни избавит индивида от чрезмерного влияния киберпространства, сохранив при этом потребность пребывания в русле современных технологий.

Библиография

1. Лопатинская Т.Д. Эскапизм в киберпространстве как жизненная стратегия // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2020. №3 (23). С. 92-97.
2. Дедов Н.П. Проблемы социальной адаптации личности в виртуальном пространстве межличностных отношений // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2017. Том 6. № 2А. С. 128-137.
3. Пищелко А.В. Проблема негативных последствий жизнедеятельности личности в киберпространстве // Прикладная юридическая психология. – 2018. – № 3 (44). С. 19-23.
4. Шапинская Е.Н. Виртуальная реальность как пространство эскапизма: безграничные возможности и новые опасности // Культура культуры. 2014. № 4. С. 28-42.
5. Керуак А.В. Технология дополненной реальности как способ преодоления киберэскапизма // Человек и культура. 2022. № 6. С. 151-156.
6. Фетисова Т.А. Агрессивное поведение в Интернет-коммуникации // Вестник культурологи. 2018. С.185-197.

7. Гриценко Л.М., Демидова Т.А. Коммуникативная стратегия дискредитации в интернет-коммуникации (на примере троллинга) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 29-42.

8. Бочавер А.А., Хромов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т.11. № 3. С. 177-191.

9. Жуйков А.А., Машенко И.В. Трансформация качества информации как системный вызов постиндустриального социума XXI в. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2020. № 1 (254). С.91-96.

10. Головацкая О.Е. Методологические подходы к изучению искаженной информации // Коммуникология. 2023. Том 11. № 1. С. 15-30.

11. Рерке В.И., Бубнова И.С., Демаков В.И. Информационно-психологическая безопасность как научно-исследовательская дефиниция // Научно-педагогическое обозрение. 2022. Вып. 5 (45). С. 202-211.

12. Голушко Т.К. Информационный иммунитет как ключевое понятие информационно-психологической безопасности личности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022. Т. 27. № 6. С. 1483-1495.

13. Девятков С. С. Синдром упущенной выгоды – Fear of missing out: обзор современной проблематики // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2018. №09. С. 23-26.

14. Неруш Т.Г., Неруш А.А. Проблема профессионального выгорания в контексте цифровизации и цифровой трансформации, пандемии и удаленной работы // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 5А. С. 89-97.

15. Козлова К.В., Муравьева О.И., Корытова Г.С. Понятие «выгорание» в психологии: анализ и обобщение подходов // Научно-педагогическое обозрение. 2019. № 1 (23). С. 18-27.

16. Слесарев Ю.В., Лосяков А.В. Проблемы защиты конфиденциальной информации в сети Интернет: правовой аспект // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 1 (22). С.383-385.

17. Назаров М.М. Приватность в сети и «цифровая покорность»: исследование аудитории Интернета // Вестник Института социологии. 2022. № 3. Т. 13. С.88-107.

18. Чеснокова Л.В. Размывание границы между публичностью и приватностью в социальных сетях и парадокс приватности // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2021. № 2 (20). С.22-38.

19. Полякова В., Фурсов К. Готовы ли пользователи Рунета делиться личными данными? // Информационный бюллетень Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ «Цифровая экономика». 11.03.2021. № 42 (195). 10 с.

20. Васюра С.А., Закирова Г.М. Психологическая суверенность личности как регулятор коммуникативной активности в отношении границ непосредственного и виртуального общения // Вестник Удмуртского университета. 2022. Т. 32. Вып.3. С.247-255.

21. Коптева Н.В. Невоплощенность и изменения психологических границ как последствия нормативного использования технологий. Сообщение 1 // Научно-педагогическое обозрение. 2021, Вып. 4 (38). С. 221–228.

22. Афанасьева, В.В. Homo Virtualis: психологические характеристики // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер.: Философия. Психология. Педагогика. Вып. 2. С. 59-64.

23. Семенов Е.Е. «Расколота личность» в пространстве социальных сетей глобального мира // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4–2. С. 239–242.

24. Щетинина А.В. Иллюзорный индивидуализм и ложный коллективизм: новые номинации сетевых отношений // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/40FLSK421.pdf>. DOI: 10.15862/40FLSK421.

AN INDIVIDUAL IN A VIRTUAL REALITY ENVIRONMENT

Napso M.B.

North-Caucasus state academy

Abstract

In the article, the processes of an individual's transition to existence in a hybrid – real and virtual – space are considered in the context of the causes and consequences of the influence of many Internet phenomena, the forms of behavior formed by them, ways of communication, habits, addictions. Due to this formulation of the question, the author pays special attention to the study not so much of the undoubted advantages of the world of technology, but rather the nature of the influence of their hypertrophied role in the life of an individual in conditions of only emerging practices of coexistence in two worlds and a lack of personal competencies. In such conditions, the problem of the harmonious existence of an individual in real and virtual spaces, the use of the advantages of one world in the interests of another, becomes particularly relevant. The very property of communication in cyberspace changes not only the spatial and temporal parameters of interaction, but also has a massive psychological and emotional impact. The main danger lies in the gradual abstraction of Internet communications from the fundamental moral, cultural codes and foundations of cognitive activity, which especially concerns the ability to critical, independent thinking. New socionormative practices are needed to reconcile reality to such a transformation of forms of social interaction.

Keywords

virtuality, cybersocialization, constructed reality, digital addiction, digital submission, digital burnout, escapism, cyber aggression, individualism, collectivism, privacy, ownership of information